

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.10

Правильная ссылка на статью:

Соломин М. С. Когда опасности становятся рутинной: конструктивистский подход в исследовании профессиональных рисков (на примере работников угольных предприятий г. Новокузнецка) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 187—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.10>.

For citation:

Solomin M. S. (2019) Danger becoming routine: a constructivist approach to the study of occupational risk (a case of coal mine workers in Novokuznetsk). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 187—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.10>.

М. С. Соломин

КОГДА ОПАСНОСТИ СТАНОВЯТСЯ РУТИНОЙ: КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ УГОЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ Г. НОВОКУЗНЕЦКА)

КОГДА ОПАСНОСТИ СТАНОВЯТСЯ РУТИНОЙ: КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ УГОЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ Г. НОВОКУЗНЕЦКА)

DANGER BECOMING ROUTINE: A CONSTRUCTIVIST APPROACH TO THE STUDY OF OCCUPATIONAL RISK (A CASE OF COAL MINE WORKERS IN NOVOKUZNETSK)

СОЛОМИН Максим Сергеевич — аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: msolomin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8649-9425>

Maxim S. SOLOMIN¹ — Post-graduate student, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: msolomin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8649-9425>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена развитию конструктивистского подхода к изучению профессионального риска. Автор предлагает концептуальную схему анализа, которая основывается на теоретических предпосылках социологии риска, таких как неизбежность риска, его воспроизводимость в ходе интеракций, социальная обусловленность. Ядром этой схемы является положение, согласно которому профессиональный риск неразрывно связан с субъектом, принимающим решение. Отдельное внимание уделяется влиянию «жизненного мира» профессии на формирование представлений субъекта о рисках.

Автор показывает возможный вклад конструктивистского подхода в решение такой социологической проблемы, как расхождение реального поведения работников с нормативно закрепленными предписаниями техники безопасности.

Эмпирическую базу исследования составляют 12 полуструктурированных интервью с работниками угольных предприятий г. Новокузнецка. Было выявлено, что действия работников обусловлены представлениями о допустимых издержках и возможных выгодах. Эти представления, формируясь в условиях, когда профессиональная среда представляет собой набор рутинизированных опасностей, в определенных обстоятельствах смещаются в сторону возможной выгоды. В результате те формы поведения, которые с позиции реалистского подхода к анализу риска считаются нарушением формальных норм безопасности, могут быть устойчивыми действиями, направленными на получение выгоды, необязательно материальной.

Abstract. The article is devoted to the development of constructivist approach to studying the occupational risk. The author proposes a scheme of conceptual analysis based on theoretical prerequisites of sociology of risk, namely risk inevitability, risk reproduction during interactions, and social causation. The core idea of the scheme states that professional risk is closely tied to the subject making decisions. A special attention is paid to the impact of the “life world” on subject’s perceptions of risks.

The author shows how constructivist approach helps explain such sociological dilemma as divergence between workers’ actual behavior and labor safety regulations.

The empirical basis of the study is 12 semi-structured interviews with the workers of Novokuznetsk coal-mining enterprises. The study reveals that workers’ behavior is defined by their perceptions of acceptable costs and possible benefits. These perceptions, being formed in an environment full of daily hazards, gravitate towards possible benefit under certain circumstances. As a result, those behavior forms which are regarded as violations of safety regulations in terms of realistic approach towards risk analysis, can be routine activities aimed at gaining profit, not necessarily a material one.

Ключевые слова: профессиональный риск, реализм, конструктивизм, рутинизация опасностей, безопасность

Keywords: occupational risk, realism, constructivism, routinization of hazards, safety

Постановка исследовательской задачи

Многообразие социологических подходов к изучению риска можно разделить на две большие группы в зависимости от эпистемологических оснований: реалистские и конструктивистские [Lupton, 1999]¹. Используя данную классификацию, ранее мы предложили два соответствующих подхода к изучению профессионального риска [Соломин, 2019]. Реалистский подход определяет профессиональный риск как вероятность реальной угрозы и возможного ущерба работникам вследствие воздействия на них вредных производственных факторов различного генеза, которая может быть измерена независимо от социально-культурного контекста. Исследования, базирующиеся на этой предпосылке, ориентированы на создание универсального эталона риска, с помощью которого можно было бы сравнивать различные виды ущерба, выводя из этого приемлемый риск, понимаемый как допустимый уровень вероятности наступления нежелательного события. Подобная ориентация находит свою популярность не только в различных исследованиях [там же], но и в политических решениях. Например, в России развитие методологии обеспечения безопасности в промышленности началось с концепции абсолютной безопасности, цель которой заключалась в выработке мер, предупреждающих возникновение любых потенциально опасных ситуаций. Подобная цель оказалась недостижимой, и Россия к 2002 г. на законодательном уровне перешла к использованию показателя приемлемого риска, понимаемого как отсутствие недопустимого риска, связанного с причинением ущерба имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде и т. д. [Вишняков, Радаев, 2008].

Популярность реалистского подхода можно объяснить его стремлением перевести понятие риска в измеряемые величины (вероятность наступления события, тяжесть последствий), что, безусловно, полезно с точки зрения сбора статистических данных (частота смертельных исходов, причины травматизма на производственных объектах и др.). Однако, несмотря на достаточно широкое применение данного подхода, он имеет некоторые существенные ограничения. Реалистский подход оставляет связь риска с решением за скобками, что приводит к соответствующим недостаткам: игнорируется вопрос о том, что именно индивид признает рискованным, какие действия и исходя из каких представлений о результате он принимает в отношении тех или иных опасностей. Игнорируется также и парадоксальность рисков [Бехманн, 2010]: в отечественной литературе можно встретить термин «субъектно-объектная природа риска» [Зубков, 2003], что близко идее «парадоксальности», указывающей на стирание границ между субъектом и объектом риска. Человек выступает одновременно и субъектом, и объектом

¹ Под эпистемологическими основаниями понимаются те или иные представления о природе риска, то есть о его сущности и возможностях его изучения. Д. Лаптон предлагает говорить о континууме возможных эпистемологических позиций, на одном полюсе которого располагаются «реалистские», а на другом — «радикально конструктивистские» подходы к анализу риска. В целях своей работы мы несколько упрощаем эту классификацию, выделяя только реалистский и конструктивистский подходы.

риска: если он принимает решение о каком-либо действии, то возрастает неопределенность в плане следствий этого выбора, а если же человек отказывается от решения, то появляется неопределенность в плане потери возможных выгод. Иными словами, различие наличия или отсутствия риска исчезает. Если говорить о парадоксальности профессиональных рисков, это означает, с одной стороны, влияние профессиональной среды на действия субъекта, с другой — действия субъекта влияют на состояние среды, а также на результат последствий тех или иных ситуаций.

С этими «упущениями» можно работать в русле конструктивистского подхода. Согласно конструктивистской позиции, риск есть социокультурный продукт, результат отбора некоторых событий (как правило, речь идет о реальных угрозах и опасностях), маркированных как риски. Предполагается, что если риск рассматривать в качестве социального феномена, возникающего из решений и целенаправленного поведения субъектов в условиях ограниченного знания о внешних угрозах, то в принципе можно достичь пусть и ограниченного, но объективного знания о риске [Иванов, 2015]. Стоит отметить, что сама идея социальной обусловленности риска восходит к культурно-символической теории М. Дуглас [Douglas, Wildavsky, 1982]. Здесь индивид конструирует свое восприятие риска в процессе интеракций. При этом риск связывается уже не с опасностью, но с решением [Луман, 1994], а значит, подразумевает под собой субъекта действия и его представления об ожидаемом исходе в терминах возможных выгод и издержек. В подобном ключе профессиональный риск представляет собой уже не вероятность угрозы и возможного ущерба работникам вследствие воздействия на них вредных производственных факторов различного генеза (как это свойственно реалистскому взгляду на природу риска), а совокупность возможных решений (действий) субъекта, обусловленных, с одной стороны, рамками «жизненного мира» профессии (знания, навыки, опыт, нормы), с другой — представлениями субъекта о возможных издержках/выгодах, получаемых в ходе осуществления профессиональной деятельности [Соломин, 2019]. Такая дефиниция учитывает не только объективную сторону профессиональных рисков (наличие опасности), но и их субъективные основания, а именно тот факт, что риск связан с субъектом, принимающим решение. Данная статья преследует цель реконструировать логику конструктивистского подхода к анализу профессионального риска на примере рабочих угольных предприятий.

Эмпирическая база исследования

В качестве метода сбора данных² выбрано полуструктурированное интервью [Семенова, 1998]. Адекватность выбора данного метода обосновывается следующими соображениями. Во-первых, поскольку мы изучаем, как конструируются представления о риске у представителей профессий, в которых опасность воспринимается как нечто перманентно присущее виду деятельности как таковому, наша методология может считаться интерпретативной: нам важно было понять, что признается рискованным и какие действия применяются в отношении рисков.

² Данные были собраны в рамках работы над магистерской диссертацией, защищенной в 2016 г. в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Во-вторых, представления о риске такой профессиональной группы, как шахтеры, мало изучены, что указывает на необходимость сбора качественных данных.

Опираясь на работу И. Штейнберга и соавторов, мы использовали выборку критических случаев. Критическим случаем считается тот фрагмент транскрипта интервью, где отражена информация о действиях, которые классифицируются как нарушение с позиции нормативного контроля [Штейнберг и др., 2009]. Обсуждение именно таких случаев, с нашей точки зрения, позволяет «вскрыть» составляющие элементы представлений о рисках. Для анализа полученных данных был применен индуктивный анализ, предполагающий выделение нескольких сюжетов в рамках интервью с целью проведения их последующих обобщений [там же]. Гайд интервью можно условно разделить на следующие блоки (сюжеты):

1. Знание техники безопасности. Техника безопасности рассматривалась нами как формально закрепленный вариант поведения рабочего, который сводит к минимуму вероятность возникновения нежелательных ситуаций. Примеры вопросов: «Расскажите о правилах передвижения в шахте», «Какие средства индивидуальной защиты должны всегда быть в инвентаре у шахтера?».
2. Блок, посвященный оценке норм техники безопасности как основного способа минимизации нежелательных ситуаций. Для выявления этой оценки мы просили информантов, во-первых, из предложенного перечня опасных ситуаций³ выделить те, с которыми они сталкивались, а во-вторых, высказать точку зрения о том, всегда ли нормы техники безопасности гарантируют защиту от этих ситуаций.
3. Блок вопросов, направленных на выявление того, что респондент считает рискованным в своей работе и как происходит ранжирование рисков. Пример вопроса: «Предположим, что все угрозы в шахте можно условно разделить на три группы: природные, технические и “человеческие”. Какую из групп Вы считаете первостепенной? Почему?».
4. О поведении респондентов в тех или иных ситуациях риска, включая выявление целевых мотивов, например: «Что бы Вы предпочли: идти пешком или доехать на вагонетке, предназначенной для перевозки материалов? Почему? Каковы могут быть последствия?». Данный блок необходим для прояснения реального, привычного для респондента поведения.

Респондентами выступили инженерно-технические работники (ИТР), основная функция которых состоит в контроле производственных процессов непосредственно в шахте, а также рабочие горных специальностей, таких как горный рабочий (ГРП), подземный электрослесарь и др. Первоначально предполагалось рассматривать данные категории респондентов автономно друг от друга. Однако в ходе некоторого знакомства со спецификой их профессий было принято решение объединить данные категории в одну группу, так как ИТР и рабочие иных горных специальностей непосредственно находятся в производственной среде, в равной степени взаимодействуют друг с другом и имеют дело с опасностями, связанными с их профессиональной деятельностью. Они могут выступать субъектами принятия

³ Перечень был предоставлен нам одной из угольных компаний г. Новокузнецка. Он насчитывает более 60 опасных ситуаций.

решений непосредственно при реализации трудового процесса. Это позволяет принять допущение, что рабочие угольных предприятий, независимо от конкретного содержания их специальности, представляют собой некоторую однородность в аспекте организации обращения с рисками. Данные о респондентах приведены в таблице 1.

Таблица 1. *Перечень информантов*

Имя	Возраст	Стаж работы/должность
Сергей	48 лет	Подземный электрослесарь, стаж работы: более 20 лет.
Валерий	27 лет	Проходчик 4 разряда, стаж работы: 1 год 3 месяца.
Юрий	50 лет	Отводчик, стаж работы: 25 лет
Валерий	56 лет	Горнорабочий очистного забоя (ГРОЗ), стаж работы: 32 года
Максим	39 лет	Горномонтажник подземный, стаж 10 лет
Николай	31 год	Горнорабочий очистного забоя (ГРОЗ), стаж работы: 8 лет
Алексей	27 лет	Электрослесарь подземный, стаж работы: 6 лет
Сергей	31 год	Помощник начальника участка, стаж работы: 10 лет
Александр	29 лет	Горномонтажник подземный, стаж работы: 6 лет
Владимир	41 год	Машинист горных выемочных машин, стаж работы: 19 лет
Иван	25 лет	Электрослесарь подземный, стаж работы: 5,5 лет
Андрей	29 лет	Электрослесарь подземный, 4го разряда, стаж 5 лет

Всего было собрано 12 интервью. Проводились они в домашней обстановке. Достоинство такого формата проведения интервью в том, что вероятность получить искренние ответы повышается за счет отсутствия «посторонних» факторов давления на респондента. Запись ответов велась на диктофон.

Профессиональный риск: структурные элементы

Предложенная нами концептуализация профессионального риска осуществляется прежде всего с позиции действующего субъекта, то есть перспективы, отстаиваемой представителями конструктивистского подхода.

Рассмотрим структурные элементы профессионального риска, изображенные на рис. 1.

Рисунок 1. Структурные элементы профессионального риска

Термин «жизненный мир профессии» отсылает нас к феноменологическому подходу. Трактовка профессии как деятельности, характеризующейся внутренним единством, знаниями, технологиями, но при этом относительно закрытой для внешнего мира, восходит к работам Ч. Э. Хьюза. Автор не пытается ответить на вопрос, каковы характеристики профессионала (нивелируя различие между профессией и занятием, что является особенностью англосаксонской традиции⁴), но анализирует сферу непосредственных социальных взаимодействий [Хьюз, 2008], что ближе к нашей работе.

Данная схема базируется на теоретических основаниях, общепризнанных в социологии риска, которые в своей основе имеют конструктивистскую природу⁵. Во-первых, представления субъекта о возможном результате действия («выгодно — ущербно») есть не что иное, как допустимый порог риска [Луман, 1994], конструирование и восприятие которого детерминировано социально-культурным контекстом. Данное понятие отражает функциональную связь между поведением индивида и возложением ответственности за неблагоприятные результаты его действий. В этом смысле риск является некоторым регулятивным понятием, с которым индивид соотносит собственные решения [Дуглас, 1994].

Во-вторых, мы признаем принципиальную неустранимость риска из социальной жизни. Риски воспроизводятся благодаря «машине» под названием «принятие

⁴ Подробный обзор подходов к исследованию профессий см. [Абрамов, 2014].

⁵ Более подробно о ключевых подходах социологии риска см. [Яницкий, 2003].

решений» [Бек, 2000]. Здесь важно помнить, что если риски объективны, то содержание рискованного поведения субъективно [Зубков, 2003]. Конечным элементом структуры профессионального риска, предложенной на схеме, является действие. Поэтому понятие профессионального риска мы связываем с концепцией социального действия Т. Парсонса. Он рассматривает действие «как единицу с точки зрения определенной системы координат» и выделяет ряд фактов, конституирующих единичный акт: актор, цель деятельности, социальная ситуация и нормативная система [Парсонс, 2000]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что структура социального действия рабочего угольного предприятия состоит из двух элементов: с одной стороны, он сам, наделяющий субъективными смыслами и интенциями свои действия, с другой — профессиональная среда и нормы, ограничивающие выбор целей и средств.

Угольное предприятие — это среда с повышенной степенью риска. Ее особенность в том, что взаимодействие индивидов протекает в условиях интерактивной комплексности системы, а это означает жесткую взаимозависимость ее частей, когда прямая связь между инцидентами, приведшими к аварии, может отсутствовать [Perrow, 1994]. Опираясь на работы отечественных социологов, мы полагаем, что рискованное действие лишь косвенно связано с нежелательными последствиями, скорее это лишь один из вариантов исхода рискованной ситуации, возможный благодаря наличию объективных источников опасности, которые делают риск неизбежным и не зависящим от сознания субъекта [Зубков, 2003]. Однако поскольку риск связан прежде всего с решением, то исходной категорией выступает активность субъекта, его действие, которое направлено на определенную цель, то есть на «будущее положение вещей» [Гаврилов, 2007]. Исходя из этого, представления о риске необходимо связывать не только с вероятностью возможного ущерба, но и с шансами достижения возможной выгоды. В таком случае существует не только вариативность последствий, но и вариативность действий субъекта.

Тем не менее, несмотря на то что шахта — это среда с повышенной степенью риска, большинство действий для работника носят рутинный характер. Работники не отрицают, что их работа связана с опасностями, но считают ее частью своей повседневной жизни:

«Для меня это привычная среда» (Александр).

«После раза десятого, как спустился в шахту, стало нормально все, а до этого как-то боязно было» (Сергей).

Рутинизация действий обуславливает дуальность структуры: с одной стороны, их рутинный характер сохраняет целостность личности, с другой — именно благодаря воспроизводству повседневных действий поддерживается функционирование социальных институтов вообще [Гидденс, 2005]. Мы считаем, что это справедливо и для функционирования профессий. Именно в этом и состоит влияние жизненного мира профессии на представления индивида о возможных результатах принятых решений: в начале своей трудовой деятельности работник действует из соображений безопасности, и «сумма» его возможных решений в тех или иных ситуациях детерминирована техникой безопасности, которая усваивается еще в процессе профессиональной подготовки, затем один-два раза в год работники

сдают экзамены на знание техники безопасности. С накоплением опыта меняется восприятие среды, а следовательно, и представления о возможных издержках и выгодах, что приводит к возрастанию вариативности действий. Рабочее пространство воспринимается одновременно и как повседневное, и как пространство, где безопасность представляет специфический набор минимизированных опасностей, которые не могут быть заранее до конца познаны. Ясно только то, что полностью исключить вероятность возникновения нежелательных событий невозможно. Когда мы предоставили респондентам перечень возможных опасных ситуаций и попросили их отметить те, с которыми они сталкивались за последний месяц, многие респонденты иронично заметили, что «*проще указать те, с которыми не сталкивался*». Иными словами, мы основываемся на вполне простом допущении, что работник соблюдает нормы техники безопасности или нарушает их, исходя из собственных представлений о риске как некоторой измерительной величине, расположенной на шкале «безопасность — опасность». При этом само понятие риска не является для респондентов строго определенным.

Ранее мы писали, что наша концептуальная схема конструктивистского подхода базируется, с одной стороны, на том, что риск представляет собой социальный конструкт, с другой — на принципиальной неустранимости риска из «ткани социальной жизни». Справедливым будет указать, что для внешнего наблюдателя (коим зачастую является сам исследователь) справедливо утверждение У. Бека, что риск — это результат взаимодействия общества с продуктами модернизации [Бек, 2000]. Вероятно, поэтому многие исследования безопасного поведения на угольных предприятиях «растворяются» в ограничениях реалистского подхода. Показательно исследование А. Хопкинса, посвященное причинам аварии на австралийской шахте «Гретли». Первоначально причиной аварии считался риск природного характера, а именно тот факт, что работы велись на недостаточном расстоянии от старых выработок. Безусловно, такие риски, как самопроизвольное обрушение кровли или повышение газа метана, всегда гипотетически возможны. Однако впоследствии комиссия по расследованию пришла к выводу, что предотвращение аварии было в пределах возможности и компетенции руководителей предприятий и основной причиной произошедшего стало пренебрежение руководства, которое не сумело провести необходимые мероприятия для предотвращения бедствия. Причина пренебрежения — «погоня» за прибылью [Hopkins, 1984]. Проблема таких исследований состоит в том, что в практическом плане гипотетические обобщения уровня «дисфункция X приводит к ситуации У» обречены на неминуемое подтверждение. Любая вариация ответов на вопрос о причинах расхождения реального поведения с формальными правилами безопасности, будь то «стремление работников выполнить план» или «несостоятельность культуры безопасности» [Reason, 1998]⁶, так или иначе, находят свое подтверждение как в количественных, так и в качественных исследованиях. Поясним: при подобном

⁶ Д. Ризон определял культуру безопасности как организованное поведение в различных ситуациях рабочего процесса, в основе которой лежат определенные ценности, нормы, опыт и процессы коммуникации. Автор выделял организации с эффективной и неэффективной культурой безопасности. Неэффективная культура безопасности — это культура, неспособная минимизировать риски. Профессиональный риск в данной теоретической перспективе представляет собой оценку вероятности происхождения нежелательных ситуаций, что соответствует реалистскому взгляду на природу риска.

ракурсе рабочий рассматривается как источник опасности, но не как субъект принятия решений. Очевидным выводом становится то, что исключить такую «опасность», как человек, просто невозможно — так же как и просчитать частоту тех или иных проявлений индивида. Административное контролирование происходит уже постфактум, то есть после инцидента, аварии или катастрофы, когда поиск первичного источника риска уже не имеет первостепенного значения. Подобный стиль «управления» рисками попадает в «структурный дрейф» [Луман, 1994], суть которого сводится к тому, что социальные системы, имеющие дело с техникой, используют опыт, привычки, аргументы прошлого, пока не произойдет нечто неожиданное. После этого начнутся поиски виновных, изменятся предписания, но не структурные связи, которые приведут к повторению случившегося. Логика анализа риска также останется прежней: за рабочим «не признают» субъектности. Между тем сами рабочие угольных предприятий могут считать иначе. Приведем в качестве примера суждение респондента:

«Мужики сами знают, что делать и как. Ты дай ему наряд и не лезь! Ты скажи: вот это сделай, а как он будет это делать, он сам знает. Не надо указывать ему, ты потом приди и посмотри, что он сделал и как» (Максим).

Вопрос расхождения поведения с закрепленными нормами поведения («техникой безопасности») является социологической проблемой, которая, с точки зрения автора, не может быть достаточно изучена в логике реалистского подхода в виду того, что в ней смещаются понятия «риск» и «опасность» и игнорируются субъективные детерминанты профессионального риска. Завершив обзор структурных элементов понятия «профессиональный риск», мы продемонстрируем возможный вклад конструктивистского подхода в анализ вышеуказанной проблемы.

Проблема следования правилам

Все респонденты знакомы с техникой безопасности. В противном случае, по выражению одного из информантов: «Кто бы его в шахту пустил?». Наша задача состояла не в проверке «правильности» или «неправильности» знаний респондентов, а в выявлении общих (характерных для всех должностей) повседневных практик использования этих правил. Если исходить из того, что человек рассказывает более подробно о том, с чем сталкивается чаще всего, то «ярче» всего знания и оценка норм техники безопасности проявились при обсуждении вопроса об использовании средств индивидуальной защиты («СИЗы»⁷) и правил передвижения по шахтовым выработкам.

«Самоспасатель должен всегда на тебе находиться. Конечно, нет, конечно, ты его повесил метров на пять, раньше было так, повесили мы его и в лаву ушли метров на 300, шарохаемся там, а спасатель висит черт знает где. Потом за это наказывают. За любое нарушение, которое ты совершил, тебя наказывают» (Максим).

«Взять, к примеру, очки СИЗ — да, средства индивидуальной защиты. Постоянно очки забиваются пылью. Очки ненадежны чем — они очень царапаются и очень легко их поцарапать. То есть очки брать на каждую смену — тебе их никто не будет там выписывать, давать их. В основном очки берегут, это для того, если пошел инспектор. В очках вообще

⁷ «СИЗы» — так шахтеры называют средства индивидуальной защиты. Обычно в них входят очки, самоспасатель, рукавицы, респираторы.

в принципе неудобно работать. Опять же, об удобстве никто не говорит — в очках же можно травмироваться — опять же, если одел очки, которые там зацарапаны уже или грязные. А грязные они отчего — потому что постоянно пыль. И она оседает на очки, это постоянно их протирать, это... ну, человек сам себе усложняет работу — так же, как и лепесток⁸... Если большая концентрация пыли, то он, конечно, оденет лепесток. А так в основном лепестки не надевают, так же, как и беруши. Беруши я вообще в принципе не видел, чтобы кто-то одевал. Одевают, если кто-то решил поспать, чтобы никто его не беспокоил» (Александр).

То же самое, но о правилах передвижения: с одной стороны, правила езды по выработкам подчинены закрепленным нормам:

«Ну, вообще оборудованные ленты⁹, они оборудованы светом, везде высота есть, чтобы ты мог спокойно ехать и головой не удариться ни обо что, оборудована сходными площадками и посадочными. И перед тем, как ты пришел, к примеру, первый день работать, на нашу “Юбилейную” шахту, тебе вот если по ТБ руководствоваться, как положено все, тебе должны провести инструктаж. То есть мастер непосредственно, плюс два человека должно быть, один спереди тебя садится на ленту, едет. Ты садишься за ним следом, и за тобой садится человек, который уже опытный рабочий. Первый раз они тебя везут, садят на выключенную ленту, садишься на нее, везут тебя. И когда ты подъезжаешь к сходной, тебе ее останавливают. А по идее ты же на ходу там запрывиваешь и спрыгиваешь с нее. И вот после нескольких раз, сначала на выключенной ленте тебя прокатят разок, потом уже на включенной попробуют. И потом, когда уже посмотрят, тогда уже будешь иметь право на ней ездить. Вообще — вот ты первый день пришел в шахту, ты не имеешь права на ней ездить, на ленте. Тебе должны провести инструктаж, потом в книжечке ты должен расписаться, в журнале» (Иван).

С другой стороны, эти правила нарушаются. Если апеллировать к полученным данным, нарушаются регулярно. При этом суждения некоторых респондентов говорят о коллективности подобного поведения:

«Идешь когда в шахту вниз — ты идешь по лентам, смотришь — то есть на эту ленту. И у тебя глаз уже наметанный, ты опытный ездок по лентам, и вот так смотришь, да, вот здесь я уже домой по ней поеду. Ты смотришь, чтобы всю дорогу она была свободна. Видишь, чтобы цепочка висела, чтобы тебе слезть потом с ленты. И вот мы когда еще ездили раньше на лентах, на “Ерунаковской” еще, мы ездили, дальше сходных проезжали и там на прогончик слазили. И каждый день, когда я на работу шел, то я всегда смотрел, не повесили там что-то, где я ездил, потому что в шахте все очень быстро. Сегодня, к примеру, едешь, у тебя лента свободная, все чисто, а завтра там вентилятор поставили, в том месте, где ты вчера ехал. То есть каждый день, когда идешь на работу, вот так смотришь. Если ты не помотришь, забыл или отвлекся, то в конце смены с мужиками так: «Что? Едем? Едем». То есть так у нас, конечно, вслепую не ездили» (Иван).

Несоблюдение этих мер несет за собой вполне определенную угрозу:

«Вот месяца два-три назад было. Пацану 22 года. У нас на “Осинниковской”, ой, на “Есаульской”. Пацан ехал на доставке, тоже ехал, сидел на вагоне этом, лебедкой

⁸ «Лепесток» — респиратор.

⁹ «Лента» — ленточный конвейер, предназначенный для транспортировки материалов в шахту.

вагон вытаскиваем на тросу. Он что-то спрыгнул неудачно, поскользнулся, упал, и нога прям на рельсы... Сейчас все, без одной ноги, на всю жизнь» (Андрей).

Можно было бы предположить, что несоблюдение правил езды по лентам является социальной нормой, противоречащей норме юридической [Эльстер, 2011]. Однако возможны и другие формы поведения:

«Ну, назад ходят по лентам. Я раз прошел назад по лентам, но потом я решил, что просто легче идти рядом с лентой вперед, чем идти назад по ленте» (Алексей).

То, что правила могут нарушаться — не новое знание. Так же, как и то, что правило, имея обобщенный вид, не может быть сообщено с максимально достаточными основаниями, иначе говоря, правила не подразумевают полного описания всех ситуаций, при которых мы должны следовать этому правилу [Витгенштейн, 1994]. Парадокс в том, что попытки уточнения условий следования правилу не приводят к устойчивому положительному результату: в Австралии в институте Квинсленда был разработан перечень опасных ситуаций, насчитывающий около десяти тысяч подобных ситуаций, однако нарушения не прекратились [Hopkins, 1984]. В начале статьи мы уже упоминали, как развивалась методология обеспечения безопасности в нашей стране. Однако с точки зрения конструктивистского подхода к анализу профессионального риска никакого парадокса здесь нет. С конструктивистской точки зрения любые формальные правила могут быть рассмотрены как «схема рациональности», цель которых — организовать реальность вокруг нас, сделав ее измеряемой, коллективной и капитальной [Ewald, 1991]. Техника безопасности на угольных шахтах — это схема рациональности, которая носит формальный и обязательный характер. Однако она не единственно возможная. Более того, несмотря на то, что эти правила вырабатываются экспертами [Вишняков, Радаев, 2008], они не являются доминирующими «указателями» действий (иначе, возможно, вообще не возникло бы дискурса о «человеческом факторе»). Именно тот факт, что «обыденные стратегии» минимизации риска могут заменять стратегии, выработанные экспертами, отказывается принять реалистский подход [Zinn, 2004]. Существует мнение, что с помощью «неотвратимости» наказания можно искоренить нарушения [Павлов, 2010]. Между тем наши данные показывают, что усиление контроля создает вероятность опасности для работников, поскольку требует от них выработки действий, направленных на избежание контроля. Проиллюстрируем на примере с использованием самоспасателя:

«Сталкивался. Я развернулся, пошел в обратную сторону, он мне кричит. Привод работает, я сделал вид, что не слышу. За угол завернул, куртку снял приметную. И быстрее за спасателем. Мужиков останавливают — спрашивают, где спасатель. Они говорят: „Вот он! Сейчас-сейчас...“ и убегают» (Валерий).

Нетрудно догадаться, что в попытке избежать контроля работник создает для себя потенциально опасные ситуации, которых мог бы избежать. Здесь важно отметить, что никто из работников не отрицает целесообразности техники безопасности. Однако, как показано на рис. 2, ею руководствуются в определенных случаях.

Данная схема показывает, что работники угольных предприятий руководствуются техникой безопасности в двух случаях: если возникают угрозы природного характера (например, если датчики фиксируют опасную концентрацию метана), и если ситуация не является обыденной, то есть выходит за рамки опыта работника:

«Нас послали работать, а проходчики сбились, очень старая выработка была, еще при коммунистах сделанная. Они сбились и пошли рядом, а там все хрустит и валится. Там прям хруст такой стоит. Я отказался работать, мастер позвонил начальнику и сказал, что мы отказываемся работать, потому что здесь непонятно что, все ломается, хрустит. Мы отказались. Это наше право полностью. Потому что данное место не отвечает технике безопасности» (Максим).

Рисунок 2. Типы решений в зависимости от ситуации

Если же рабочие попадают в ситуацию, когда, с их точки зрения, возможен «опытный расчет последствий», то соблюдение техники безопасности оценивается как нецелесообразное, потому что ведет не только к замедлению рабочего процесса и, как следствие, к возможности невыполнения производственной задачи, что понимается как невыгода, но и не гарантирует безопасности. Стоит отметить, что «выгода» для работника — это не всегда материальное вознаграждение. Суждения, которые мы приводили на протяжении статьи, говорят о том, что под выгодой может пониматься экономия и времени, и собственных сил.

Таким образом, мы считаем, что восприятие риска рабочими угольных предприятий ситуативно: если ситуация повседневная (пусть и сопряженная с угро-

зами), опасности, с которыми работник сталкивается чаще всего, становятся рутинными. Шахтер, находясь в ситуации выбора способа адаптации к угрозам, субъективно «не покидает» свой «защитный кокон», если использовать термин Э. Гидденса, несмотря на то что ни одна из альтернатив не гарантирует абсолютной безопасности [Гидденс, 1994]. Происходит «опривычивание» действий, которые с точки зрения нормативной системы признаются нарушениями, но привычны для самого рабочего, его представления о риске смещаются в сторону вероятности получения выгоды. Почему подобные действия считаются нарушениями? С нашей точки зрения, причина подобного взгляда коренится в том, что технология обеспечения безопасности до сих пор стремится достичь «нулевого» риска, тогда как для работников угольных предприятий наличие рисков привычно.

Заключение

В статье развивается конструктивистский подход к изучению профессионального риска. Мы предложили концептуальную схему анализа данного феномена, которая основывается на теоретических предпосылках социологии риска, таких как неизбежность риска, его воспроизводимость в ходе интеракций, социальная обусловленность. Нам удалось показать, что риск неразрывно связан с субъектом, принимающим решение. Отдельное внимание было уделено влиянию «жизненного мира» профессии на формирование представлений субъекта об издержках и выгодах. Далее, отталкиваясь от ограничений реалистского подхода к анализу риска, на примере рабочих угольных предприятий г. Новокузнецка продемонстрирован возможный вклад конструктивистского подхода в решение такой социологической проблемы, как расхождение реального поведения работников с формальными предписаниями техники безопасности. Рабочие определяют себя как субъектов риска, то есть как субъектов, принимающего решение. То, какое действие совершит работник (нормативное или нет), обусловлено представлениями о допустимых издержках и возможных выгодах. Эти представления, формируясь в условиях, когда профессиональная среда представляет собой набор рутинизированных опасностей, в определенных обстоятельствах смещаются в сторону возможной выгоды. Это приводит к неоднозначности в определении границ порога допустимого риска. Такая ситуация вступает в противоречия с принятыми нормами, что, в свою очередь, только расширяет возможности возникновения угроз, источником которых станет сам работник.

Коснемся возможных перспектив дальнейших исследований в рамках конструктивистского подхода. Во-первых, целесообразно исследовать взаимосвязь восприятия работниками угольных предприятий своей профессии с социокультурным контекстом. В частности, известен стереотип (и он был отмечен респондентами) о том, что «один миллион тонн добытого угля равен одной человеческой жизни». Мы предполагаем, что существуют и другие глубоко укорененные стереотипы, формирующие то или иное отношение к профессиональным опасностям. Во-вторых, было бы интересно сравнить полученные выводы со статистическими данными причин различных несчастных случаев. Гипотетически мы предполагаем, что «рутинные» опасности следует искать в наиболее частотнo выраженных неблагоприятных исходах. Подобная статистика собирается угольными компаниями, которые неохотно делятся такой информацией. В-третьих, перспективным представляется анализ

самих предписаний техники безопасности. Несмотря на то, что методология обеспечения безопасности на производственных объектах, как было показано в статье, претерпевала изменения, понятие риска в ней осталось прежним. Фактически риск в логике экспертов, разрабатывающих эти правила, представляет собой синоним понятия «опасность», которая никак не зависит от активности субъектов. Результаты данного исследования еще раз доказывают обратное.

Список литературы (References)

Абрамов Р.Н. Классификация исследовательских направлений в изучении занятий и профессий // Социологический ежегодник. 2014. С. 83—104.

Abramov R. N. (2014) Classification of research areas in the study of occupations and professions. *Sociological Yearbook*. P. 83—104. (In Russ.)

Абрамов Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 54—66.

Abramov R.N (2005) Professional complex in the social structure of society. *Sociological Studies*. No. 1. P. 54—66. (In Russ.)

Абрамов Р.Н. Классификация исследовательских направлений в изучении занятий и профессий // Социологический ежегодник. 2014. С. 83—104.

Abramov R.N (2014) Classification of research areas in the study of occupations and professions. *Sociological Yearbook*. P. 83—104. (In Russ.)

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция. 2000.

Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a new modernity*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)

Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос, 2010.

Bechmann G. (2010) *Modern society: risk society, information society, knowledge society*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Витгенштейн Л. Философские исследования. М. : Гнозис, 1994.

Wittgenstein L. (1994) *Philosophical Studies*. Moscow: Gnosis. (In Russ.)

Вишняков Я. Д., Радаев Н. Н. Общая теория рисков. М. : Академия, 2008.

Vishnyakov Ya.D., Radaev N. N. (2008) *The general theory of risks*. Moscow: Academy. (In Russ.)

Гаврилов К. А. Социологический подход к анализу риска // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 40—58.

Gavrilov K. A. (2007) The Sociological Approach to Risk Analysis. *Sociological Journal*. No. 3. P. 40—58. (In Russ.)

Гидденс Э. Судьба, Риск и безопасность // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 5. С. 107—134.

Giddens A. (1994) Fate, Risk and Security. *THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems*. No. 5. P. 107—134. (In Russ.)

Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуриации. М. : Академический проект, 2005.

Giddens A. (2005) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Academic project. (In Russ.)

Дуглас М. Риск как судебный механизм // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1994. № 5. С. 242—276.

Douglas M. (1994) Risk as a Forensic Resource. *THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems*. No. 5. P. 242—276. (In Russ.)

Зубков В. И. Социологическая теория риска. М. : Издательство РУДН, 2003.

Zubkov V. I. (2003) *Sociological Theory of Risk*. Moscow: PFUR Publishing House. (In Russ.)

Иванов А. В. Эпистемологические проблемы теории риска в контексте формирования научно-исследовательских программ социальной рискологии // *Наука и современность*. 2015. № 37—2. С. 70—76.

Ivanov A. V. (2015) Epistemological problems of risk theory in the context of the formation of research programs of social risk. *Science and modernity*. No. 37—2. P. 70—76. (In Russ.)

Луман Н. Понятие риска // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1994. № 5. С. 135—160.

Luhmann N. (1994) The concept of risk. *THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems*. No. 5. P. 135—160. (In Russ.)

Павлов А. Ф. О коренных причинах аварий на угольных шахтах // *Вестник Научного центра по безопасности работ в угольной промышленности*. 2010. № 2. С. 107—111.

Pavlov A. F. (2010) On the root causes of accidents in coal mines. *Bulletin of the Scientific Center for the Safety of Works in the Coal Industry*. No. 2. P. 107—111. (In Russ.)

Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2000.

Parsons T. (2000) *On the structure of social action*. Moscow: Academic Project. (In Russ.)

Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

Semenova V. V. (1998) *Qualitative methods: an introduction to humanistic sociology*. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)

Соломин М. С. Профессиональный риск: от реализма к конструктивизму // *Социологические исследования*. 2019. № 5. С. 45—54. URL: http://socis.isras.ru/index.php?page_id=453&id=7654&jid=&jj= (дата обращения: 09.08.2019).

Solomin M. S. (2019) Professional risk: from realism to constructivism. *Sociological Studies*. No. 5. P. 45—54. (In Russ.) URL: http://socis.isras.ru/en/index.php?page_id=453&id=7654&jid=&jj= (accessed: 09.08.2019).

Хьюз Э. Ч. Ошибки на работе // Журнал исследований социальной политики. 2008. Том 6. № 3. С. 385—396.

Hughes E. Ch. (2008) Errors at work. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 6. No. 3. P. 385—396. (In Russ.)

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб. : Алетейя, 2009.

Shteinberg I., Shanin T., Kovalyov E., Levinson A. (2009) Qualitative methods. Field sociological researches. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. М. : Высшая школа экономики, 2011.

Elster J. (2011) Explaining social behavior: more nuts and bolts for the social sciences. Moscow: National research university higher school of economics. (In Russ.)

Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3—35. Yanitsky O. N. (2003) Sociology of risk: key ideas. *Universe of Russia*. No. 1. P. 3—35. (In Russ.)

Douglas M., Wildavsky A. (1982) Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press.

Ewald F. (1991) Insurance and risk. In: The Foucault effect. Studies in governmentality. Chicago: The University of Chicago Press. P. 197—211.

Hopkins A., Parnell N. (1984) Why coal mine safety regulations in Australia are not enforced? *International Journal of the Sociology of Law*. No. 12. P. 179—194.

Lupton D. (et al.) (1999) Risk and sociocultural theory: New directions and perspectives. Cambridge University Press.

Perrow C. (1994) Normal accidents: living with high risk technologies. Princeton university press.

Reason J. (1998) Achieving a safe culture: theory and practice. *Work & Stress*. No. 3. P. 293—306. <https://doi.org/10.1080/02678379808256868>.

Zinn J. O. (2004) Literature Review: Sociology and Risk. Working Paper 1 (SCARR WP1). URL: <http://www.kent.ac.uk/scarr/papers/Sociology Literature Review WP1.04 Zinn.pdf> (accessed: 09.08.2019).